

Надежда Белугина- Подюжская

г. Георгиевск,
Ставропольский край

Найдёныш, или Рождественский подарок

Собака Карта – бездомная. Отпугивал хозяев непривычный пёстрый окрас шерсти и разного цвета глаза: один голубой, а другой – карий. Когда у неё появились щенки, решение жителей деревни было единогласным: не нужны. Мудрый деревенский старожил сделал это ранним утром, когда деревня спала и дети не могли ничего видеть. О том, что один из щенков куда-то завалился и этим спас себе жизнь, узнали только тогда, когда он выполз из сарая. Уверенно стоя на своих уже крепких ножках, он шурился от непривычного света и поскуливал, исподлобья разглядывая окружающий его мир. А смотреть было на что.

Зима в этом году пришла с большим снегом. Под Рождество хлопья полетели такие огромные, мохнатые и пушистые, что быстро укрыли всю землю. Причудливые воздушные сугробы сразу украсили деревенский пейзаж. От унылых старых деревянных домов не осталось и следа. Преобразилась, обновилась деревня. Белые крыши под снежным одеялом будто присели от тяжести, окна вросли в наметённые сугробы. Пока хватало глаз, всё белым-бело. Сказка, да и только.

И вот на белоснежное, не тронутое ещё неспешными жителями пространство, выкатилось это пушистое чудо с удивлёнными глазами, отстоявшее своё право на жизнь. Щенок хлопал ресницами, стряхивая с них пролетавшие мимо снежинки, и ждал. Чего? Этого никто не знал.

Вдруг заскрипела дверь, и что-то большое в огромных валенках, в шапке-ушанке, с толстым шарфом на шее предстало перед

испуганным щенком. Так стояли они, разглядывая друг друга, Димка и щенок, пока в дырочку из сарая не вылезла Карта. Она виновато завалила хвостом, нагнула вниз голову, пряча глаза, но почему-то улыбаясь. Мальчишка не ругал её, от неожиданной встречи он замер. Тогда Карта ткнула щенка носом и горделиво взглянула на Димку: ну, как он тебе? На Димкином лице расплылась улыбка. Он сразу понял, что хочет этого щенка забрать к себе домой, он прирос к нему всем маленьким сердцем сразу и навсегда. «А ну-ка брось! – услышал парнишка голос матери. – Ещё бродячих собак в доме не было! Ни за что не пушу домой с собакой! Пошли вы к лешему! За вами не успеваю убирать!» – И захлопнула дверь. Мать имела в виду его и ещё двоих старших братьев.

Димка ещё крепче прижал к себе тёпленькое тельце уже не сопротивлявшегося щенка и побрёл от дома, размышляя, как ему поступить. Он вспомнил, что давно просил мать разрешить ему завести щенка, но она строго запретила ему «пускать скотину в дом». Он брёл всё дальше от деревни, не замечая, как помрачнело небо и задул с севера ветер, заметая следы от неторопливых шагов. Вдали осталась деревня, идти стало трудно. Дорогу заметало на глазах. А мальчонка вдруг подумал, что не хочет возвращаться домой, где придётся расстаться с этим ласковым малышом, так забавно лизнувшим его в щёку. «Пусть поищут. А я здесь замёрзну. И все будут плакать и жалеть, что не разрешили взять щенка». Ноги заплетались, тянуло ко сну от усталости, щенок тихо посапывал под мышкой. Димка присел отдохнуть, и земля закачалась, убаюкивая его.

Дома не сразу хватились: деревенские дети самостоятельные, порой на целый день убегают на горку или на лыжню. Мать вспомнила про сына, когда тот не пришёл обедать. Выглянула во двор: пусто. Спросила соседних ребятишек – никто не видел. Вспомнила, как поругала сына, отослав его к лешему. Сердце дрогнуло и начало бешено колотиться от навалившегося предчувствия. Мать оттолкнула Карту, которая не в привычку вилась около ног, и бросилась за подмогой.

Соседи сразу обратили внимание на странное поведение собаки. Она то бросалась под ноги, то бежала вдаль, как бы приглашая за собой. Решили пойти за ней. Карта вдруг подбежала к маленькому холмику и начала его разгребать. Крепко обняв щенка, Димка спал и не понял, что их обнаружили. Мать схватила в охапку обоих и, целуя то одного, то другого, плакала от радости, что пропажа нашлась.

Снег уже не падал. Ветер стих. Димка, счастливый, грелся дома на раскалённой печке, прижавшись щекой к спящему щенку. Было странно: почему так быстро улеглась метель, почему в воздухе так скоро потеплело? Может, вездесущий леший дал матери урок? А может, Зимушка хотела дать понять, что детей надо не только любить, но и понимать, и прислушиваться к их желаниям? А может, кто-то более могущественный принял срочные меры? Не важно, что было причиной. У мальчугана появился новый друг, и это было счастье – славный рождественский подарок, полный безграничной любви и верности.

Ворон

В нашем дворе несколько одноэтажных домов старой постройки объединены под одним номером. Эти дома стоят почти кругом, образуя замкнутое пространство с одними воротами, делая двор неприступным. Каждый хозяин постарался посадить себе дерево, кустики, цветы, превращая наш общий двор в такую дачную деревню. Детворы набралось полно, по 2–3 ребёнка в семье. Вечерами мы без опаски отпускали их играть, так как двор был закрытый. И как только начинало смеркаться, кто-то из родителей выкрикивал нужные имена, и дети расходились по домам. Это повторялось каждый вечер.

Однажды я завозилась с домашними делами и не заметила, как стемнело. Покричала детям – ответа нет. Во дворе тишина. Вероятно, играли в прятки и не хотели себя выдать. Решила заглянуть в отдалённую часть двора, куда обычно в тёмное время суток не заглядываю в одиночку. Там сто-

яло огромное высохшее дерево. Своими сухими корявыми ветками оно почему-то наводило на меня, взрослую женщину, ужас. И только я обогнула угол дома, как над головой захлопало крыльями и приглушённым, но моим голосом кто-то произнёс: «Наташ-ша!» Кровь застыла в жилах. Оглянулась – никого. А где-то в вышине опять, но уже со строгой интонацией – «Наташ-ша-а!» Тут натужно заскрипело дерево и снова захлопали крылья. Ноги подогнулись. Ни жива ни мертва от страха, усилием воли заставила поднять голову и посмотреть на это огромное старое дерево. На одной из веток сидел большущий чёрный ворон. Дрожь прошла по всему моему телу. А он, усиливая мистическое впечатление, нагнул вниз голову и громко произнёс: «Наташ-ша!!!», а потом распахнул огромные, как мне тогда показалось, крылья и, пролетая над моей головой, прохрипел: «Кр-р-рах!» «Господи! Где же дети? Что с ними?» – промелькнуло в голове.

Как я очутилась дома, не помню. Все были уже в сборе. Дети пришли просто с другой стороны двора. Даже тогда, когда всё рассказала домашним, успокоиться не могла. Почему-то вспомнились говорящие вороны из сказки «Снежная королева». Понимала, что ворон научился выговаривать имя старшей дочери с моими интонациями, слушая ежевечерние призывы, но ещё долгое время избегала оказаться в этой части двора в вечернее время суток. Прошло много лет, но воспоминания живы настолько, что опять холодеет в груди.

За счастьем

Возвращаясь домой с очередной прогулки, откуда-то издалека, с противоположной стороны дороги, услышала детский крик: «Баба!» В этом посёлке меня никто так не мог окликнуть, поэтому спокойно продолжила путь. И вдруг уже сзади, с большим чувством, пытаюсь привлечь к себе внимание: «Баба, ты меня видишь?! Ты видишь меня?!» Не удержалась, обернулась. Никого не замечая вокруг, мчался малыш лет четырёх, стараясь изо всех сил докричаться до

кого-то, кто был впереди, непонятно как находя для этого силы.

Выталкивая эти фразы с какой-то отчаянной надеждой раз за разом он кричал в полную силу своих лёгких. Присмотрелась. Впереди шли двое: молодой мужчина, который двигался со мной в одном направлении, и, на большом расстоянии, женщина в возрасте, идущая навстречу. Но никто из них не реагировал на голос малыша. Оглянулась: сзади – две молоденьких девушки. Одна из них, обращаясь к другой, сокрушённо произнесла: «Вот всегда так, – и окликнула: – Максим!» Она несколько раз старалась предупредить об опасности, но малыш не слышал её или не хотел слышать.

Его маленькое тельце несло вперёд с необычайной скоростью, худенькие ножки мелькали, казалось, не касаясь земли. Старый асфальт был весь в ямах, буграх, у меня сжалось сердце: лишь бы не упал, на такой скорости можно сильно разбиться. Максим продолжал мчаться к какой-то своей цели, отчаянно вопя, будто сейчас потеряет эту цель из виду и никогда в жизни больше не встретится с ней. Почему-то пришло в голову, что он с таким же успехом пробежал бы даже по поверхности воды, не ощущая её.

Меня поражало отсутствие реакции со стороны. Слова, произнесённые на бегу, слышались не так чётко, трудно было понять, что кричал мальчик: «папа» или «баба», «видишь» или «любишь». Но ведь для тех, к кому он бежал, они должны были быть понятны. Сердце моё сжималось от ужаса, и я мысленно, как заклинание, проговаривала: «Только не упади! Ну, к кому из вас он летит? Откликнитесь уже!»

Вдруг идущий впереди мужчина медленно повернул назад голову, равнодушно-обречённо взглянул куда-то мимо идущих сзади людей. Он не бросился навстречу ребёнку поддержать, чтобы тот не упал, а просто остановился и присел спиной к подбегавшему мальчику на корточки у дороги.

Малыш, не сбавляя скорости, не притормозив, резко обогнул мужчину спереди, но не кинулся к нему, как я ожидала, даже не прикоснулся, будто боясь отпугнуть, а просто молниеносно присел рядом, в точной степени

копируя манеру и позу сидящего на корточках мужчины. Как мало надо было ребёнку, чтобы успокоиться. Мне показалось, что он стал ещё меньше, перестал дышать, чтобы не спугнуть своё счастье. Поражало, как мудр был он в своих действиях: не потревожил молодого человека ни звуком, ни движением.

«Отец!» – мысленно выдохнула я, радуясь тому, что всё обошлось. Сзади опять услышала негромкое: «Вот так всегда...» и ещё что-то, сказанное уже вполголоса подружке. Кое-что стало понятно. «Папа! Ты видишь меня?! – звучало в моих ушах. А может быть, “любишь”?»

Родители не могут найти общий язык, а ребёнок, всем своим маленьким сердечком приросший к своему папе, хотел быть с ним вместе всё время, каждую минутку, не расставаясь. Он не рассчитывал на то, что отец схватит его, прижмёт к себе, вероятно, по привычке. По тому, как он старался быть похожим на отца, было видно, что мальчик искренне, безгранично любит его и рад даже этому равнодушному присутствию. Максим вряд ли понимал происходящее, но был доволен: самые близкие для него люди были рядом.

Расстались или просто поссорились молодые родители, понять с ходу было трудно, но от взгляда мужчины веяло холодом. Оглянуться, чтобы понять настроение идущих сзади девушек, было неудобно.

Впечатлённая увиденным, не смогла пройти молча и, понимая, что всё не скажешь незнакомому человеку, но уж очень хотелось приблизить его к сыну, проговорила вслух: «Вот это сынок! Просто прелесть!», не найдя на тот момент более удачного определения. В слово «прелесть» хотелось вложить то, что не видел и не слышал родитель в поступке сына: безграничную любовь, боль, отчаяние, страх потери, страстное желание быть рядом, просто посидеть так же, на корточках, ощущая плечо отца.

Дома долго не могла прийти в себя, понимая, что, уйдя с места встречи отца с малышом, ещё долго буду оставаться рядом с этим маленьким героем, борцом за право быть сыном. Наверно, с возрастом приходит понимание того, что не видно молодым.